

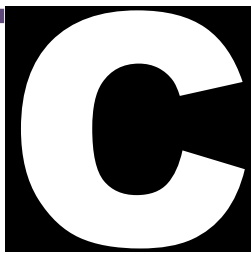
Фашистские бонзы на открытии Берлинской Олимпиады 1936 года (...Гитлер,... Геббельс, Геринг)

Любодраг Симонович, Белград (Сербия)

ОЛИМПИЗМ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ОЛИМПИЗМ И ФАШИЗМ

[статья первая]

ЛИДЕРЫ ОЛИМПИЗМА СТРОИЛИ С НАЦИСТАМИ ПЛАНЫ О ПРОВЕДЕНИИ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР «ВО СЛАВУ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ НАРОДАМИ ВСЕГО МИРА». СЕГОДНЯ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ПРОСЛАВЛЯЮТ КАК «ВЕЛИКИХ ГУМАНИСТОВ» И «ПАЦИФИСТОВ»...

Спорт приобрел такое общественное значение и в такой мере стал комплексным явлением, что мысль о спорте больше не возможно удерживать в рамках традиционных феноменологических анализов. И несмотря на упорные настояния средств массовой информации свести спорт к "факту", "информации" и банальному "развлечению", он все больше навязывается серьезной научной и философской мысли как явление, в котором до высочайшего выражения доходят основные противоречия капиталистического общества и в котором преломляются основные вопросы существования человечества и общественного развития.

К сожалению, такие размышления имеют, в основном, академический характер и незначительно присутствуют в обществе. Спортивная проблематика и далее остается "собственностью" полуграмотных, коррупционированных журналистских кланов. Когда известно, что они являются продленной рукой капиталистических и политических центров мощи, рекламными агентами мафиозно организованного шоу-бизнеса, их "угол рассмотрения" спорта совсем понятен, как понятна и их беспощадная расправа с мыслью, которая пытается открыть изнанку спорта, а тем самым и настоящую сущность их деятельности.

Более серьезные критически тонированные теоретические размышления о спорте появлялись и до Второй мировой войны, но только, когда спорт стал оружием в холодно-военной расправе между блоками, стал коммерциализированным, он получил ту "полноту" и значение, которые станут еще большим вызовом для социологической и философской мысли. До настоящего прорыва социологически и философски обоснованной критики спорта дошло после студенческого движения 1968 г., которое открыло двери фронтальной (прежде всего, духовной) расправы с капиталистическим обществом и спортом как его идеологией. Радикализация критики спорта развивается параллельно с развитием "потребительского общества", т.е. со становлением капитализма как порядка деструкции. Критика спорта становится критикой капитализма.

До недавно люди с воодушевлением слушали сообщения о все более высоких "результатах", достигаемых в эксплуатации "природных ресурсов". Это было одним из главных показателей "прогресса". Сегодня, с развитием сознания о размерах уничтожения природы, людей все больше одолевает паника перед новыми "подвигами". Точно так же обстоит дело и со спортивными рекордами. Когда-то они были показателями "человеческой мощи". Смотря на изуродованные тела спортсменов, человек все чаще задает себе вопрос, какова цена этих "достижений" и каков их настоящий смысл. Когда-то мощное средство пропаганды капиталистического порядка - спорт все больше становится исходной точкой для критики капиталистического общества, зеркалом, в котором отражается настоящее лицо капитализма. Оттуда и гражданская теория в обороне: чем больше "отрицательных явлений" в спорте, тем громче стремление защитить основные ценности капиталистического общества. Гражданская теория идет даже и до того, что все решительнее отвергает профессиональный и рекордсменский спорт - любимейшее духовное чадо сегодняшнего капитализма, с целью сохранить моральный (педагогический) интегритет принципа компетенции (соревнования) и выработки, т.е. веру в "исходные ценности" капитализма. Слепая оборонительная логика уступает место теоретическому маневрированию для оберегания того, что все еще может быть сбережено.

Большая тождественность в критиках спорта, приходящих с разных сторон света, является результатом становления капитализма как глобального порядка. Критика спорта становится одной из форм духовной интеграции и борьбы людей за преобразование, людей, определившихся как свободолюбивые, которые сознают пагубность дальнейшего развития капитализма. Олимпийскому движению - олицетворению духа капитализма и символу уничтожения людей противится все более громкое и бескомпромиссное антиолимпийское мировое движение. Оно представляет собой составную часть все более организованного и массового стремления людей предупредить уничтожение планеты и направить научное развитие и процессы производства на искоренение бедности и нищеты, а также на развитие и удовлетворение подлинных потребностей человека как

универсального созидательного существа общества. Освободительская критика спорта становится частью мирового антикапиталистического фронта.

В то время, когда западный капитал при "бескорыстной" помощи отечественных "господ" все беспощаднее стремится превратить нашу страну в свою колонию, становится ясной вся пагубность "воспитания" молодежи на стадионах и в спортивных залах. Конечные эффекты раздувания безумной эйфории болельщиков - создание не молодых людей с достоинством и любовью к свободе, а идиотизированной "массы", которая раньше или позже станет "грязной" рабочей силой Европы.

В этом контексте становится яснее вся пагубность, особенно для экономически неразвитых стран, максимы, что спорт - "самый лучший посол". "Национальное утверждение" путем спорта - это неверный путь в борьбе против колониального закабаления, так как преимущество дает деятельности, с помощью которой ничего в действительности нельзя достигнуть (кроме случающихся с времени на время "национальных эйфорий"), но которая уничтожает аутентичность духовности, приводит к концу деятельность, без развития которой нет существования (экономика, наука, искусство), и превращает молодежь в современные орды варваров. Международный спорт становится рекламным простором капитала и "шоу-бизнесом", что наносит окончательный удар стремлению использовать спорт как средство национальной эмансипации. Он представляет собой один из несущих столпов "нового мирового порядка" и, как таковой, является средством национального порабощения.

"Спорт высоких достижений" - область, в которой капитал установил глобальную доминацию. "Космополитизм" под крылом мультинационального капитала означает создание из человека обезличенного штурмовика капитала. Скрытые за "аполитической" маской так называемые "международные спортивные ассоциации" - это продленные руки мощнейших капиталистических кланов и, как таковые, - средство для установления доминации над так называемыми "национальными видами спорта". Когда имеется в виду значение того, каким видом спорта занимается общество, ясно, что речь идет о самом пагубном облике духовной колонизации мира, о создании паутины, в которой исчезают национальные культуры и освободительская мысль.

Тенденции развития спорта необходимо было бы рассматривать в контексте все более очевидного распада "государства благосостояния" и обострения борьбы капиталистических концернов за рынок. Логично предположить, что капитализм еще агрессивнее будет стремиться использовать спорт как средство отвлечения внимания людей от основных вопросов существования и для стерилизации критическо-преобразовательской мысли. Чем меньше будет хлеба (известного существования), тем больше будет все более кровавых игр. Как и все области общественной жизни, которые попали в руки капитала, спорт становится все более грязным бизнесом.

Наше духовное существование может основываться не на создании националистской истерии и не на возвеличивании средневековых мифов, а на борьбе за сохранение и развитие эмансипаторских особенностей народного созидания и освободительной борьбы, а также европейской культуры, которую деструктивный капитализм систематически уничтожает. Давайте дадим приют героям Шекспира, Томасу Мору, Эмилю Руссо, Дон Кихоту Сервантеса, Фаусту Гете, Матери Храбрости Брехта, которые на западе изгоняются создателями "культуры кока-кола" - духовного символа варварства, который нам в виде "нового мирового порядка" навязывает сегодняшний капитализм.

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Давайте будем героическим, а не “мученическим” народом. Давайте будем вместе с настроенной освободительски частью человечества носителями Прометеевского, а не Олимпийского огня, пламя которого угрожает сжечь мир.

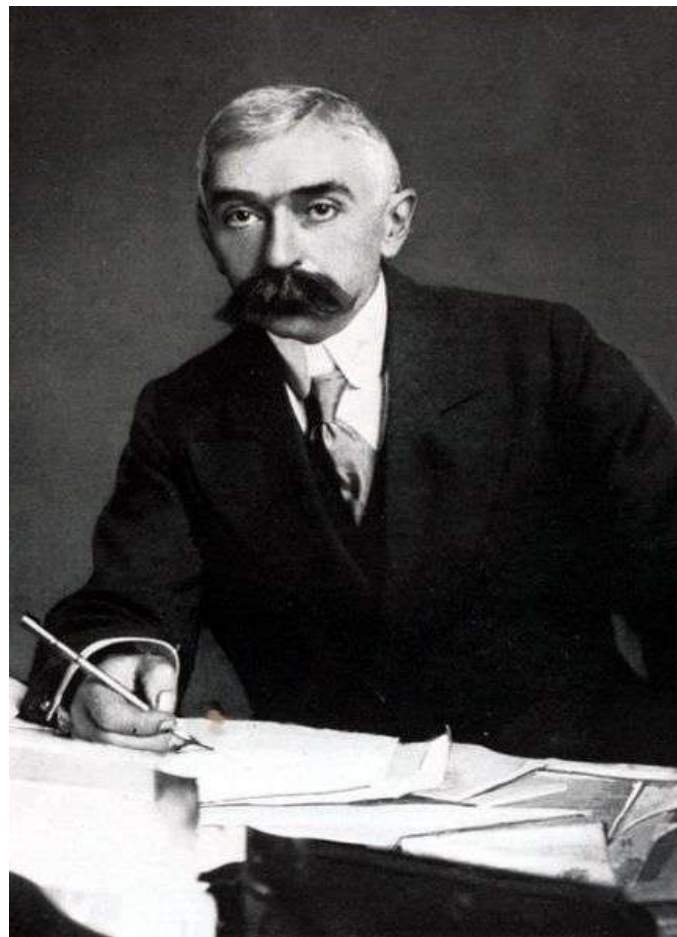
БАРОН ДЕ КУБЕРТЕН

До какой степени Пьер де Кубертен (Pierre de Coubertin) погряз в нацистском болоте, становясь орудием в руках нацистской пропаганды, показывает и его контакт с Германом Эссером (Hermann Esser). По словам историка Массера (Masser) Эссер еще в период с 1921 по 1924 годы был “одним из самых влиятельных сотрудников Гитлера в Национал-социалистической партии” (номер 2 на фиктивном списке Нацистской партии из 1925 г.) [Hans Joachim Teichler, “Coubertin und das Dritte Reich”, Sportwissenschaft, 1982, 12(1), с. 43]. В 1925 г. Гитлер его назначает руководителем нацистской пропагандной службы. Вскоре он становится редактором войноподжигательской газеты “Die jüdische Welterest. Judendämmerung auf dem Erdball” (“Еврейская мировая чума. Сумрак евреев на земном шаре”). Государственным секретарем в Министерстве пропаганды Рейха он становится в 1939 г., а во время агонии нацистского режима представляет Гитлера на мюнхенских партийных юбилеях (1943 и 1945 г.г.).

Историк из Бонна Брахер (Bracher) говорит об Эссере как о “фанатичном” приспешнике Нацистской партии, который применяет “самые низкие тона антисемитской и антидемократической пропаганды” [Teichler, там же.]. Вот что этот “старый боец” напишет о своей встрече с Кубертенем шефу канцелярии Рейха Ламмеру (Lammer): “Во время моего пребывания в прошлом месяце в Швейцарии для переговоров о новом соглашении о путешествиях мне с разных сторон рекомендовали навестить состарившегося учредителя Олимпийских игр барона де Кубертена. Это во многом могло бы быть полезным для Германии, так как барон Де Кубертен не облакан вниманием не только Швейцарии, но и его родины - Франции. Поэтому я решил не только навестить барона в Женеве, но и пригласить этого во всем мире известного человека на какой-либо немецкий курорт или в немецкий санаторий. По приезду в Женеву немецкий консул, которому я доверил подготовку визита, сообщил мне об исключительно плохом состоянии здоровья барона. Несмотря на это, он захотел принять меня. Примет ли он приглашение посетить Германию, зависило, в сущности, полностью от того, кто в действительности посылает это приглашение.

В ходе посещения барона Кубертена у меня сложилось впечатление, что я разговариваю с человеком, стоящим на краю могилы. С учетом этих обстоятельств, мне показалось оправданным передать старому господину, который о Фюрере и Рейхе говорил с выражением великого одушевления, привет от Фюрера, а также по поручению Фюрера приглашение на лечение на каком-нибудь немецком курорте. К счастью, кажется, что еще раз состояние здоровья барона Кубертена улучшается на столько, что он уже сейчас серьезно рассматривает на путешествие в Германию. Я уже выполнил всю подготовку к тому, чтобы барон, присутствие которого имеет исключительное значение для немецкого туризма и посещения немецких курортов, со всей своей семьей был принят и угощен как князь за счет Туристического союза Рейха в Баден-Бадене. Считаю, что такие пропагандные посещения для нас имеют величайшее значение, и верю, что поэтому Фюрер одобрит мое приглашение, сделанное Кубертену” [Teichler, там же, с.45].

Поверив, что Гитлер послал ему приглашение посетить Германию, Кубертен пишет Гитлеру: “Ваше Превосходительство, меня глубоко тронул визит, сделанный мне государственным министром Г. Эссером от имени и по поручению Вашего превосходительства, и я тороплюсь выразить Вам свою благодарность по этому поводу. Германия этим - и то самым чудесным образом - присоединяется к моему юбилею, который 20 января этого г. был торжественно отпразднован в Университете в Лозанне, по поводу чего я был приглашен, чтобы подвести итоги работы, проведенной в течение пятидесяти лет, которая вся, так или иначе, касается реформы и усовершенствования образования. Германия несколько раз выразила свои симпатии к этой работе, и я ей за это обязан самой глубокой признательностью. Если весной мне мое восстановленное здоровье разрешит, я буду иметь в виду возможность воспользоваться таким любезным приглашением, которое мне доставлено от имени Вашего превосходительства и которое является еще одним доказательством благосклонности, которое необходимо присоединить к тем, которые я уже принял.

Барон Пьер де Кубертен

Прошу Ваше превосходительство изволить принять выражения моего уважения и глубокой преданности. 17 марта 1937 г. Пьер де Кубертен”.

Нацисты видели в Кубертене искреннего «приятеля» нацистской Германии. Говоря в 1938 г. по берлинскому радио о наследии Кубертена, Карл Дим (Carl Diem) - организатор нацистской Олимпиады и многолетний приятель и близкий сотрудник Кубертена - высказал и следующее: “Германии выпало на долю задание быть духовным хранителем олимпийской идеи. Учредитель Олимпийских игр современной эпохи Пьер де Кубертен незадолго до смерти предложил немецкому правительству учредить Олимпийский институт, которому завещал свое литературское наследие.

Таким образом сочинения Кубертена, которые включают 60 000 печатных страниц, начиная с его первой тетради из колледжа, перешли в немецкие руки, и дело жизни великого педагога и мирового ума непосредственно может наблюдаться, начиная с его первых студенческих сочинений о Руссо, до дня, когда копье в его руках стало слишком тяжелым и когда он его нам доверил. Он считал, что мы - немцы имеем полное понимание всеобъемлющей культурной силы олимпийской идеи, а мы, и наряду с этим, завоевали его сердце” [Carl Diem, “Das Erbe Coubertin”, в: Carl Diem, Olympische Flamme, Utscher Ver. Берлин, 1942 г., с.257]. Говоря о необходимости того, чтобы олимпийская идея и дальше жила, причем должны быть сохранены основные принципы и должна развиваться форма, Дим подчеркивает, что из наследия Кубертена вероятно всегда можно будет брать духовную силу, так как Кубертен имел “обширное знание и созидательный дух” [Там же].

Кубертен был больше, чем “великий приятель” нацистской Германии. Он как верховный священнослужитель олимпийского движения современной эпохи был органической связью древней Греции и “новой Германии”.

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Кубертен был олимпийским глашатаем, который мог сообщить, что олимпийские боги, особенно Зевс - бог войны, свою благосклонность навсегда подарили арийской "сверхрасе".

Поэтому не удивительно, что Гитлер 28 января 1936 г. принял предложение назвать площадь, находящуюся перед южным входом олимпийского стадиона в Берлине, именем Кубертена [Teichler J.H., "Coubertin und das Dritte Reich", Sportwissenschaft, 1982, 12(1), с.28]. С этим в связи находится и высказывание Дима из 1946 г. о том, что только в Германии воздвигнут памятник Кубертену и только в ней одно место носит его имя [Там же, с. 29 - сноски].

В то же время нацисты выдвигают кандидатуру Кубертена к присуждению Нобелевской премии за мир в противовес кандидату Карлу фон Оссиетски (Carl von Ossietzky), который как противник Гитлера гноился в нацистской тюрьме, - из-за него стояла мировая демократическая общественность. Кубертен согласился с его выдвижением нацистами, рассчитывая на поддержку Норвежского олимпийского комитета.

После присуждения Оссиетски Нобелевской премии разочарованный Кубертен пишет нацистскому министру спорта:

"Потому что я знаю, что в течение пятидесяти лет я сделал больший вклад в мир тем, что я создавал международный спорт, а не тем, что бы мог сделать тщетными речами и бесполезными замечаниями. Ваше признание, с этой точки зрения, для меня драгоценно" [Teichler, там же, с. 29].

Когда речь идет о деньгах, которые Кубертен получил от нацистов, необходимо сказать, что в конце жизни у него не много осталось от 500 000 золотых французских франков, с которыми он двинулся к Олимпу. Что произошло с таким богатством? Французский исследователь современного олимпизма Ив-Пьер Булонь (Yves Pierre Bouloungne) в работе (которую издал в 1976 г. в книге "Die Zukunft der Olympischen Spiele", Hrsg. Hans-Jürgen Schulke, Pahl-Rugenstein, Köln) под названием "Pierre de Coubertin. Ein Beitrag zu einer wissenschaftlichen Untersuchung seines Lebens und seines Werkes", говорит: "В 1908 г. отец ему оставляет наследство в сумме тогдашних 500 000 золотых франков. Когда он умер в 1937 г., от этого больше ничего не осталось: все его имущество было посвящено олимпийскому движению и реформе образования" (с. 86 - сноска). Между тем, в книге "Олимпийский дух Пьера де Кубертена", которая в Югославии выпущена в 1984 г. ("Народная книга", Белград), этот же автор утверждает: "Между тем, война мировая - прим. автора) его материально почти совсем разорила. Считается, что половины его состояния не стало на бирже" (с. 31).

Как бы то ни было, Кубертен остался без денег. Для того, чтобы помочь ему, по предложению Байе-Латур учреждается фонд "Pierre-de-Coubertin-Fonds", в который Французский и Норвежский олимпийские комитеты внесли по 5 000 марок рейха. Государственный секретарь Министерства иностранных дел нацистской Германии Пфундтнер (Pfundtner) понял, что помощь Кубертену может иметь положительный отклик в международной общественности и быть хорошим пропагандным жестом режима. Поэтому предложил Гитлеру, чтобы Германия была "более щедрой" по отношению к Кубертену. Гитлер сразу же одобрил выплату 10 000 марок рейха Кубертену. По свидетельству Левальда (Lewald), который второй транш лично вручил Кубертену, он "с большим удовольствием и большой благодарностью принял чек" [Там же, с. 32, 33].

После издания нюрнбергских "Расовых законов" (15.09.1935 г.), по которым у евреев отбиралось немецкое подданство и запрещались браки между немцами и евреями, доходит до пика движение за бойкот нацистской Олимпиады. Для того, чтобы уверить мировую общественность в пригодность нацистской Германии для организации Олимпийских игр, Байе-Латур как президент МОК идет на встречу с Гитлером (5 ноября 1935 г.), исход которой был известен наперед. День спустя после разговоров Байе-Латур сообщает своим коллегам: "Имею честь ознакомить вас с тем, что мои разговоры с немецким канцлером и исследования, предпринятые мною, уверили меня в том, что ничто не препятствует проведению XI Олимпийских игр в Берлине и Гармиш-Партенкирхене (Garmischpartenkirchen). Условия, выставляемые олимпийскими правилами, соблюдаются Немецким олимпийским комитетом. "Движение за бойкот" не будет поддержано ни одним из наших коллег. Это политическое движение, базирующееся на необоснованных утверждениях, неточность которых я бы

мог легко опровергнуть" [Hajo Bernett, Sportpolitik im Dritten Reich, Karl Hofman Verlag, Schorndorf bei Stuttgart, 1971, с. 48].

Как нацисты соблюли Олимпийскую хартию, может быть лучше всего говорит то, что связано с Гретель Бергманн (Gretel Bergmann) - немецкой прыгуньей в высоту еврейского происхождения. Об этом Арнд Крюгер (Arnd Krüger) пишет: "В немецкой команде, конечно, не было евреев. Гретель Бергманн - прыгунья в высоту мирового класса и надежного завоевателя медали не было в списке. Ей не дали возможность участвовать в квалификации за Олимпийские игры не потому, что она еврейка, а потому, что ее (спортивное) общество не было членом Легкоатлетического союза. А оно не могло стать членом, так как Союз отказался принять его, как и другие еврейские общества, в состав членов.

Для того, чтобы не допустить Бергманн сообщить в Берлине иностранным комментаторам о лицемерии вожakov национал-социалистического спорта, ее в течение игр держали под домашним арестом" [Arnd Krüger, Sport und Politik, Fackelträger Verlag, Hannover, 1975, с. 74].

На подоплеку "корректного" поведения нацистов во время Олимпийских игр в Гармише и Берлине указывает и ангажемент президента Организационного комитета Олимпийских игр фон Хальта (von Halt). Опасаясь, что преследование евреев во время проведения Зимней олимпиады в Гармише может вызвать нападения на любого, кто похож на еврея, и что это будет "огромной потерей престижа" для Германии, он пишет государственному секретарю Министерства иностранных дел Пфундтнеру: "Господин государственный секретарь, прошу Вас понять, что я не высказываю эти мои опасения для того, чтобы помочь евреям, речь исключительно идет об олимпийской идее и олимпийских играх, которым, уже годами честно служа, я посвящаю все свое свободное время" [Hajo Bernett, там же, с. 62]. В том же духе Хальт пишет своему приятелю фон Лексу (von Lex): "Дорогой Лекс, ты знаешь мою позицию. Ты совсем хорошо знаешь, что я не высказываю свои опасения для того, чтобы помочь евреям... В моей жизни было бы огромнейшим разочарованием, если бы по перечисленным причинам как раз в Германии невозможно было бы организовать Олимпийские игры" [Там же, сноска, с. 62].

В подобном тоне написано и воззвание Геббельса к немцам до начала берлинской Олимпиады:

"По желанию вождя Германия находится в полном разгаре подготовки к Олимпийским играм 1936 г. Много сотен тысяч иностранных гостей должны быть достойно приняты и должны почувствовать блестящий пример немецкого гостеприимства. Я убежден, что каждый немец настоит на том, чтобы в огромнейшей мере пойти навстречу иностранным посетителям, которые все будут находиться под покровительством немецкого Рейха. В случае, если им будет необходима какая-либо помощь, необходимо им помочь советом или делом" ["Время", 3 июль, 1936].

Все это не помешало Дима написать после войны: "И в Гармише, и в главном городе Берлине торжество проводилось в совершеннейшей гармонии. Только после крушения нашлись немецкие критики, а также отдельные иностранцы, которые заклеили торжество как недопустимую политическую пропаганду. Это можно легко опровергнуть, так как после завершения Игр МОК официально выразил благодарность и признание (нацистскому режиму - прим. автора). Интернациональный олимпийский институт по требованию Кубертена и по одобрению МОК размещен в Берлине. Когда зимние Олимпийские игры 1940 г. в Санкт-Морице (St. Moritz) зашли в тупик, МОК на своей сессии 9 июня 1939 г. в Лондоне решил единогласно путем тайного письменного высказывания предложить проведение зимних Игр снова в Гармише, и если бы они, как это утверждается, были с любой точки зрения злоупотреблены в политических целях, и если бы случилось что-либо, что противоречит олимпийскому духу, наверняка, в этом международном обществе было бы поднято несколько голосов против" [Carl Diem, Weltgeschichte des Sports, Cotta Verlag, Stuttgart, 3 Auflage, Band II, 1971, с. 1017, 1018].

И этим комментарием Дима не удалось замаскировать настоящую сущность нацистских Олимпийских игр, но удалось верно показать настоящую сущность МОК того времени. Единственным членом МОК, который попытался противостоять пронацистской политике остальных "доверенных" олимпийской идеи, был американский делегат в МОК Эрнест Ли Янке (Ernest Lee Jahncke), который по высказыванию Гутманна (Guttman) "был евреем или коммунистом на столько же, на сколько и

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

президент Любительской (аматерской) атлетической Унии США (AAU) Джереми Махони (Jeremiah Mahoney)" [Allen Guttmann, The Games Must Go On, Columbia Un. Press, 1984, с.74]. Он 27 ноября 1935 г. в нью-йоркской "Таймс" обратился с воззванием к президенту МОК Байе-Латуре: "Очевиден и неопровержим факт, что нацисты последовательно и упорно нарушают свои обещания. (...) Несомненно, Ваша обязанность - поставить вопрос об ответственности нацистских спортивных лидеров за нарушение их обещаний... Не сомневаюсь, что Вы получили всяческие уверения от компетентных в нацистском спорте. С тех пор, как нам даны гарантии в июне 1933 г., они были щедры в своих обещаниях. Проблема в том, что они были скупы в их применении. (...) Разрешите мне порекомендовать Вам поставить Ваши большие способности и влияние в службу духа "fair-play" (честной игры) и рыцарства вместо в службу brutality, силы и мощи. Разрешите мне попросить Вас воспользоваться возможностью и занять свое законное место в истории Олимпийских игр рядом с Кубертенем, а не рядом с Гитлером" [Guttmann, там же, с.74, 75].

Янке, очевидно, не было ясно, что творится на современном Олимпе. То, что вскоре произойдет, покажет, что он обратился по ошибочному адресу и сослался на ошибочного человека, а именно: Кубертен уже тогда передал Гитлеру все олимпийские знамена.

Байе-Латур, который уже иначе оповестил Брендиджа (Avery Brundage) о готовности приехать в Америку для включения в борьбу против еврейского бойкота Олимпийских игр, заключил, что письмо Янке "неучтиво", и сердито ответил ему. Он в Янке "видел предателя, который по необъяснимой злобной причине не готов принять личную гарантию честных людей, таких как Левальд, фон Хальт, Брендидж и, конечно, сам Байе-Латур. Он потребовал от Янке дать отставку на его членство в МОК, и когда Янке отказался сделать это, организовал его исключение" [Guttmann, там же, с.75]. Янке единогласно был "выброшен" из МОК, а на его место единогласно был выбран Эвери Брендидж.

Кубертен также относился к берлинской Олимпиаде, как и члены МОК. На это указывает и интервью, которое Кубертен дал Андре Лангу (Andre Lang) и которое 27.08.1936 г. вышло во французской газете "Le Journal". Разговор велся по поводу статьи, которую Жак Года (Jacques Goddet) опубликовал в журнале "L'Auto" под названием, позаимствованном у Эмиля Золя - "J'Accuse" ("Обвиняю"), в которой Года ставит под вопрос законность берлинской Олимпиады.

Вот что по этому поводу среди прочего говорит Кубертен: "Что, игры извращены? Олимпийская идея пожертвована пропаганде? Это абсолютно не точно. Величественный успех берлинских Игр прекрасно послужил олимпийской идее. Только французы, или почти только французы, играют Кассандру ...".

И далее: "Во Франции вызывает беспокойство то, что Игры 1936 г. озарены гитлеровской силой и дисциплиной. Как могло быть иначе? Напротив, необходимо еще сильнее желать, чтобы Игры всегда были так счастливо организованы и чтобы каждый народ в течение четырех лет участвовал в их подготовке" [Teichler J.H., "Coubertin und das Dritte Reich", Sportwissenschaft, 1982, 12(1), с. 35, 36].

Эти позиции Кубертена, а также его усилия по организации французского спорта по примеру нацистского были яростно оспорены не только в левых, но и в гражданских газетах. Так, например, "Paris-Soir", которая в январе этого же г. опубликовала эксклюзивное интервью с Гитлером, писала о берлинской Олимпиаде: "Не прославляется больше атлет, а вся нация восклицает успеху своих цветов, победе расы, правящей системы, армии ... (...) Немецкая публика топчет элементарные правила приличий. Нельзя больше допустить, чтобы одиозной нации игры служили для понижения другой нации." [Teichler, там же, с. 37]. После этой статьи парижской газете воспретывалась дальнейшая высылка сообщений из Берлина, а ее журналистам отказано в разрешениях на въезд в Германию [Там же, с. 37].

Югославские комментаторы на берлинских Олимпийских играх не имели таких проблем, как их французские коллеги. Посмотрим, почему.

Вот как Живоин Вукадинович и Бора Йованович в "Политике" от 2 августа 1936 г. описывают открытие нацистских Олимпийских игр: "Как настоящий император появляется Гитлер на великолепной лестнице берлинского Колизея, который на много превосходит амфитеатр римских кесарей. Знамя со свастикой, украшенное пурпуром и золотом, поднимают на флагштоке моряки. Публика - на ногах. Правые руки поднимаются.

По стадиону эхом разлетаются ритмические возгласы: «Хайль! Зиг! Хайль! Зиг!» Фюрера, одетого в темную форму, сопровождают члены Международного олимпийского комитета в черных костюмах с золотыми цепями на груди. Медленно и достойно спускается он по высокой лестнице. В это время музыка играет "Deutschland, Deutschland, über Alles" и "Horst Wessel Lied". Все немцы с поднятыми руками поют. Гитлер также не опускает руки в течение исполнения гимна. Потом к нему подходит девочка и вручает букет цветов. Публика не прекращает восклицать. Тогда на высокие флагштоки, находящиеся всюду вокруг стадиона, на самые высокие их концы медленно поднимаются флаги. (...)

После этого приглушенного восклицания стихает весь амфитеатр. С высокой башни разливается олимпийский звон. Звон продолжался ровно столько, сколько было регламентировано - 60 секунд. В это время был слышен только этот звон и перестук пишущих машинок журналистов, которые быстро описывали приход Гитлера на стадион".

Д. Улага в журнале "Время" от 11 августа 1936 г. оповещает своих читателей об ужине, который устроил министр просвещения Третьего рейха Руст (Rust), который по интерпретации автора сказал: "Прежде всего было необходимо получить власть и политическую мощь. Политика, все-таки, является только частью национал-социалистической программы. Культурная работа и возрождение искусства, а особенно, физическая культура - это программа будущего".

Улага констатирует, описывая достижения нацистов в спорте, что "это не просто подходящие слова". Чтобы показать настоящие достижения того образования, Улага приводит свой разговор с "господином в черной форме": "Позже я разговаривал с каким-то господином в черной форме. Он постоянный гость нашей Далмации, и это нас сблизило. "Какая это форма?" - спросил его я. «Я - член лидерства Штафлшутца, - ответил он мне. - В первый момент мы были гвардией фюрера. Сейчас работаем на спортивной организации в рамках партии, а форму носим только в торжественной обстановке». Смотрю на его знаки отличия на груди. Некоторые из них - военные, а одно - "sportabcajhn" - спортивный значок, который с гордостью носит огромное число немцев. Почти каждый немец, носящий форму, будь он стар или молод, полицейский или офицер, гордится этим спортивным значком. Смотрю на его нож. Когда он его вынул, я прочитал: "Моя честь называется верность"...". Речь идет об эссесовской присяге Гитлеру: "Mejne Ehre heisst Treue!"

В подобном тоне о берлинской Олимпиаде пишет и Милош Црнянский (19.12.1935): "Германия первой настоящею распространила спорт в массы. Подготовка к Олимпиаде осуществляется в массах систематически. Рождаются не только рекорды, новые виды спорта, но и совсем новые методы упражнений и новые взгляды на спорт. Укреплению мышц, спортивного общества придаются новые спартанские понятия, всему спорту - глубокое значение и смысл. Но это самое большое значение Олимпиад впервые будет проявлено только в Берлине.

В античной Олимпиаде мог принимать участие только грек, остальные были исключены как "варвары". В современных Олимпиадах вместе с белой расой борются и черная, и желтая, и бронзовая. Космополитическое значение этого не нужно толмачить. Античная Олимпиада принадлежала все-таки одному народу. Современная - всем народам и расам в мире. Германия, между тем, очевидно работает над обновлением глубокой мистерии Олимпиады, над духовным значением Олимпийских игр. На сколько важно, что это делает как раз Германия, не нужно доказывать.

Идея мира, уважение между нациями, которые как колокольный звон разносятся над всеми подготовками к Олимпиаде в Берлине, сейчас в эти роковые дни, идея мира, которая красной нитью проходит во всех программах немецкой Олимпиады, олимпийских торжеств, во всей духовной стороне этого спортивного интернационального конгресса, придает этой Олимпиаде

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

более широкую ценность, чем это имели предыдущие. Новый смысл народа, нации, человека, общества, одиночки, пример самопожертвования, работы, обновления, пример гордости, уверенности в себе и возвышенные идеалы непреходящих жертв и подвигов вместе с примером одной грандиозной страны делают единственной берлинскую Олимпиаду и с духовной точки зрения.

Германия, которая первой принялась за раскопки Олимпии - святого места античных Игр, которая, не требуя для себя ни одной из скульптур из раскопок, начатых в 1875 г., с бюджетом 800 000 марок, которая преданной работой своих известнейших архитекторов и археологов воскресила Nike Пайона и Гермеса Праксителя, действительно заслужила быть хозяином, который будет встречать цвет человечества, который приедет в Берлин со всех сторон глобуса" [Милош Црнянский «Олимпиада в Берлине», в: Зоран Аврамович, Црнянский о национал социализме, Белетра, 1990, с. 49, 50].

Вот что, обращаясь к Антифашистскому комитету по "fair-play" (6 июня 1936 г.), сказал Генрих Манн (Hajnrich Mann): "От имени немецкой антифашистской оппозиции горячо вас благодарю за ваши возвышенные призывы. *Свободные народы не имеют права поддерживать берлинскую Олимпиаду по нескольким причинам.* Прежде всего, заданием граждан свободных наций не является возвеличивание нечеловечной диктатуры, что все-таки, без сомнения, они делают, если примут участие в гитлеровской Олимпиаде. Второе: спортсмены, незаинтересованные в политических вопросах, которые приедут в Берлин, не раздумывая об этом, ни коим образом не будут вести себя в духе олимпийской идеи. Картина спорта действительно темнеет, когда спортсмены становятся помощниками заклятых неприятелей "fair-play", так как они силой владеют страной, которая принуждена к пассивной покорности и молчанию. Третье: те, кто приедет в Берлин, не просто встанут на сторону узурпатора и агрессора, они забьют нож в спину тем, кого ужасный гитлеровский режим лишил их самых светлых прав. Расовая ненависть направлена не только на евреев, как чаще всего это считается. Когда властители одного народа провозглашают этот народ супериорной расой, они одновременно признают презрение ко всем остальным расам и желают доминировать над ними. В действительности, в Германии не делается различий между евреями и словенцами. Так как расизм является концепцией мира, религии ненавидятся так же, как и расы. Борьба ведется не только против иудаизма, но и против христианства.

Разве олимпийский дух - не дух мира? Античный гуманизм снова ожил, благодаря человеческим физическим и спортивным достижениям, и точно так же продолжается в делах духа. Но, совсем противоположно этому, нацизм ни что иное как антигуманизм. Восставая против человеческого духа, он неминуемо отбрасывает и истинный дух спорта, ведь спорт - это свободное развитие человеческих способностей. Нацизм понимает человека не по иному, но только как инструмент для достижения своих варварских целей. Может ли такой режим, который основывается на принудительной работе и рабстве масс, который готовит войну и существует не по иному, а путем лживой пропаганды, уважать миролюбивый спорт и свободных спортсменов?

Поверьте мне, те интернациональные спортсмены, которые поедут в Берлин, будут ни чем иным как гладиаторами, узниками и шутами диктатора, который себя уже считает властелином мира. В конце хотел бы подчеркнуть, что успех Олимпиады внесет вклад в продолжение существования гитлеровского режима на некоторое время. Он ему даст новые возможности и новые силы. Он укрепит его престиж.

Немецкая оппозиция будет вынуждена ждать еще дольше. Вы не будете ответственными за это. Вы

понимаете, что это будет против благосостояния цивилизованного мира и уважаемого вами гуманизма. Прошу Комитет за "fair-play" продолжить свое благородное дело" ["Internationale Sportrundschaу", № 7, 1936 г., p. 189. V: Jean-Marie Brohm, Jeux Olympique à Berlin, Editions Complexe, Bruxelles, 1983, с. 205, 206 (перевод сделан на основании французского перевода немецкого оригинала) (выделено в источнике)].

Ни югославское правительство, ни югославский двор не остались в долгу нацистам. "Время" от 2 августа 1936 г. под названием "Министр г-н д-р Рогич вручает югославские знаки отличия организаторам XI Олимпиады" объявляет следующий текст: "Югославский министр физического воспитания г-н д-р Йосип Рогич, представляющий югославское правительство на Олимпиаде, пригласил вчера вечером Олимпийский комитет на заседание. При этом г-н Рогич вручил отдельным личностям знаки отличия, которыми их наградили Его Высочество Король Петр Второй. Награждены граф Байе-Латур и руководитель спорта в Рейхе г-н фон Чаммер унд Остен орденами Югославской короны первой степени, а государственный подсекретарь г-н Левальд - орденом Святого Саввы первой степени. Главным секретарь Олимпийского комитета г-н Дим награжден орденом Югославской короны второй степени, высший инженер г-н Нойхаузен - орденом Святого Саввы второй степени".

Даже если принять, что здесь речь идет о дипломатической куртуазности, нельзя умолчать о том, что высочайшие югославские знаки отличия получили люди, для которых словены были "низшей расой" и которые пространства нашей страны считали составной частью будущей "великой Германии". И еще хуже, Карл Дим - немецкий солдат и офицер в Первой мировой войне (иначе - фанатичный борец за "великую Германию") в своих статьях и преподаваниях, написанных в период между двумя войнами, бахвалится тем, что Германия в Первой мировой войне "стерла Сербию с лица земли" [Carl Diem, "Sport ist Kampf", в: Carl Diem, Olympische Flamme, Utscher Verlag, Берлин, 1942 г., с. 38]. Известно, каким злодеянием было подвергнуто сербское население в Первой мировой войне, когда Сербия потеряла треть своего населения и с каким героизмом сербский народ освободил свою отчизну, награждение югославским двором Дима орденом нельзя оправдать никакими "государственными мотивами".

Дим вскоре покажет свое настоящее лицо. В своей статье из 1940 г., имеющей название "Бросок через Францию", он пишет: "Бросок через Францию - как бьется сердце у нас, старых солдат, которые в этом больше не смогут участвовать, как в немом возбуждении и нарастающем воодушевлении мы только наблюдаем за этим броском, этот победоносный поход! Радостное воодушевление, которое мы в мирное время переживаем во время отважных боевых спортивных состязаний, выросло в высоты воинской реальности... стоим восхищенно перед делами армии. В них выражается все, что немец может, в них сегодняшний немец превосходит всю прошлость и себя самого. Мотивы разнообразные. Один из мотивов - это можем с гордостью подчеркнуть - и спортивный дух, в котором возмужала молодая немецкая команда".

Констатируя, что привольная жизнь "исчезла из немецкой народной души", Дим добавляет, что немцы стали "соратниками в борьбе, соратниками в оскудении, соратниками в опасности. Только благодаря такому образу жизни могла быть занята Норвегия, растоптана Франция". И далее: "Кто бы еще мог предугадать, что в успехе парашютных единиц скрывается часть спортивно-гимнастической отважности, а мы знаем, что не было случайностью, что среди тех, кто получил самые высокие отличия, был олимпийский победитель Шварцманн (Schwarzmann). Это как символ для молодого поколения: олимпийский победитель и одновременно герой в настоящей борьбе. Спортом воодушевлены солдаты, спортом воодушевлены офицеры, спортом воодушевлен Фюрер! Вспомняем еще одного - генерала Дитла (Dietl), героя Нарвика, которого мы, старые лыжники, хорошо знаем как сильного, упорного, веселого, спортивного друга, который сумел внести в свои трупы спортивный дух и который тогда с ними достиг сверхчеловеческого. Таким образом дошло до броска через Польшу, Норвегию, Голландию, Бельгию и Францию, до победного похода ради одной лучшей Европы!" [Carl Diem, "Sturm durch Frankreich", в: Carl Diem, Olympische Flamme, Берлин, 1942 г., с. 124, 129].

После Второй мировой войны Брендидж в письме, направленном Союзнической высокой команде по Германии, будет защищать не только фон Хальта, но и своего "старого приятеля" Карла Дима от обвинений в

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

том, что они были на стороне нацистов. По личному вызову Зигфрида Эдстрома, первого послевоенного президента МОК, Дим как гость Международного олимпийского комитета приедет на лондонскую Олимпиаду (1948 г.). В день проглашения Федеративной Республики Германии 24 сентября 1949 г. возрожден и Немецкий олимпийский комитет, чьим президентом становится приспешник нацистов Адольф Фридрих Мекленбург-Шверин (Adolf Friedrich Mecklenburg-Schwerin), а секретарем назначается Карл Дим [Guttman, с. 101, 109, 151].

В эти драматические дни до начала Второй мировой войны Кубертен не скрывает своего воодушевления фашизмом. В своем "Послании олимпийским факелоносцам" Кубертен, кроме прочего, говорит:

"Мы переживаем торжественные часы, так как вокруг нас воскресают неожиданные события. В то время, как в утренней мгле открывается облик новой Европы и новой Азии, кажется, что, наконец, человечество увидит, что кризис, с которым оно борется, прежде всего, является кризисом воспитания" ["Время", 21 июля 1936].

Броские названия из того времени (использованы "Время" и "Политика") показывают то, что открывается в "утренней мгле" тогдашнего мира и чему в действительности будут служить нацистские Олимпийские игры:

5 июля 1936 г.. "В письме, направленном г-ну Идну, самоубийца Стеван Люкс утверждает, что Германия упорно готовится к войне". "Военно-воздушный флот Германии возрос до 3 300 самолетов, а число резервных аппаратов составляет 2 800". "Немецкое дорожное бюро" из Белграда продает входные билеты на берлинскую Олимпиаду " по цене 18 динаров оптом с 60% скидкой на немецкой железной дороге".

6 июля. "Немецкие трупы в Кенигсберге готовы войти в Данциг и снова занять его". "Сообщество народов перед кончиной". "Г-н Гитлер заинтересован в учениях с отравляющими газами".

В тексте под названием "Акция за освобождение арестованных политиков в Германии" говорится: "Вчера вечером под председательством профессора университета г-на Армана Абеля состоялось предварительное заседание по подготовке международной конференции, которая будет выступать за смягчение отношения к политическим противникам сегодняшнего порядка в Германии. Конференция в резолюции будет просить правительство Рейха выпустить на свободу из концентрационных лагерей политических интернированных".

9 июля. "Во время Олимпиады в Берлине состоится Международный спортивно-педагогический конгресс, в котором примут участие 30 югославов".

11 июля. "Наше государство в Берлине будут представлять 95 участников соревнований".

12 июля. "Правительство г-на Блюмма разрабатывает новые законы о 40-часовой рабочей неделе и оплачиваемых отпусках".

14 июля. "Составлен окончательный распорядок бегунов и прочих торжеств по поводу переноски олимпийского факела по нашей стране".

16 июля. "Перед большой амнистией гитлеровцев в Австрии".

19 июля. "Революция в Испании и испанском Марокко". "Перевоорот в Данциге - Снятие компетенций с комиссара Сообщества народов и введение Гестапо".

20 июля. "Кто в очереди после Данцига и Австрии?"

"Генеральная забастовка в Испании". "Олимпийский огонь будет зажжен сегодня в Олимпии".

21 июля. "Гражданская война (в Испании - прим. автора) в полном разгаре".

25 июля. "Капитуляция Австрии перед Германией".

"Вследствие упразднения рабочих профсоюзов греческие рабочие организации подготавливают генеральную забастовку".

26 июля. "Весь Берлин в флагах. Нет нации, которую немцы не развеселили своими любимыми цветами. Всюду переводчики и сопровождающие, всюду флаги со свастикой и олимпийские флаги. Третий Рейх подготовился к Олимпиаде и желает, чтобы все было в порядке, величественно".

27 июля. "Германия сегодня - властелин Балтийского моря. Лихорадочная отстройка морского флота для войны против Советской России".

28 июля. "Огнем с олимпийского жертвенника вчера зажжена свеча на могиле Короля Александра".

30 июля. "Мятежники (в Испании - прим. автора) получают 20 юнкерсовских трехмоторных аппаратов". "Один из высших офицеров штаба генерала Франко изъясил журналистам: "Вопрос, о котором идет речь, превосходит границы Испании, так как имеется в виду мировая борьба, в которой сталкиваются силы разрушения и анархии с силами порядка, свободы и дисциплины". "Расширение власти регента г-на Хорти и запрещение некоторых политических партий в Венгрии".

31 июля. "Гитлеровские манифестации при вносе олимпийского факела в Вену".

1 августа 1936 г.. "1 200 участников на позавчерашнем приеме у г-на д-ра Геббельса". В Париже Блюм говорит на празднестве годовщины убийства Жана Жореса и подчеркивает, что "французский народ в сегодняшних трудных международных обстоятельствах больше, чем когда-либо, должен вспоминать Жана Жореса и его искреннюю работу по поддержанию мира в мире". "Аресты левых в Польше при попытке празднования традиционного дня мира". "Министр г-н д-р Рогич вручает югославские знаки отличия организаторам XI Олимпиады".

1 августа. Сообщение с открытия Олимпиады. Левальд: "Тысячи вас на всех пяти континентах будете жить в течение следующих недель в теснейшей дружеской связи в олимпийском поселке, за благоустройство которого мы благодарны немецкой армии, которая и иначе приобрела величайшие заслуги за подготовку этой нашей манифестации мира и дружбы между народами. Пусть и наряду с жесточайшими состязаниями, и наряду со страстнейшими спортивными борьбами между вами постоянно властвуют сложность и сердечная дружба, пусть всегда проявляется гармония ваших душ, для того, чтобы вы этим послужили светлым примером для мирного сотрудничества всех народов, примером, который вождь и государственный канцлер Рейха столько раз обозначил своим идеалом". "Овации получает Австрия, представители которой по-фашистски приветствовали Гитлера". "В Венгрии фашизм распространяется сверху".

5 августа. "Приход немецкого крейсера "Дойчланд" в Сеуту и посещение его капитаном генерала Франко вызвали встревоженность в Европе". "Сегодня вечером началась генеральная забастовка в Греции".

6 августа. "Гражданская война в Испании получает международный характер".

7 августа. "Арест коммунистических посланников и выдающихся левых в Греции". "Германия отправляет шесть военных кораблей в Испанию". "Гитлер не поздравил олимпийского чемпиона (черного спортсмена из США - прим. автора) по прыжкам в высоту".

8 августа. "Под защитой итальянских и немецких самолетов генерал Франко перебросил большое число труп в Альгесирах, откуда собирается напасть на Малагу". "Г-н Геринг устроил обед в честь Короля Бориса". "Кроме медалей, канцлер г-н Гитлер раздает немецким победителям на Олимпиаде и офицерские звания".

9 августа. "Министр г-н д-р Рогич у г-на Гитлера". "Вождь Рейха -государственный канцлер г-н Адольф Гитлер принял сегодня югославского министра физического воспитания г-на д-ра Йосипа Рогича. Министра сопровождал посланник Королевства Югославии г-н д-р Цинцар Маркович".

10 августа. "Пацифистская речь г-на Блюмма на великой манифестации в Сен-Клу". "По всей Испании идет герильская война".

12 августа. "Генерал Франко намеревается окружить Мадрид и голодом заставить столицу сдаться".

17 августа. "Гражданская война в Испании. Только в Бадахосе пострадало 15 000 человек". "Миллион сторонников правительства томится в тюрьмах мятежников".

18 августа. "На прощальном ужине спортивно-педагогического конгресса по поводу проведения берлинской Олимпиады д-р Криммель - ректор Немецкой государственной академии спорта вручил участникам конгресса "красивые памятные значки, а лидерам групп - художественный барельеф Адольфа Гитлера".

На настоящую сущность берлинской Олимпиады указывает и состав Организационного комитета XI Олимпийских игр и Немецкого олимпийского комитета.

Вот несколько имен. Вождь нацистов Гитлер был официальным "покровителем" XI Олимпийских игр.

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ганс фон Чаммер унд Остен (Hans von Tschammer und Osten) - обергруппенфюрер СА; референт по спорту высочайшего лидерства СА; государственный секретарь Министерства иностранных дел Рейха и руководитель отделения по спорту и физическим упражнениям; с 1933 г. - начальник канцелярии по спорту общества "Kraft durch Freude"; уполномоченный по делам физических упражнений нацистской партии; с 1934 г. по 1943 г. - президент Немецкого олимпийского комитета; член управительского совета Организационного комитета XI Олимпийских игр; президент Интернационального олимпийского института с 1938 г.

Фрик Вильгельм (Frick Wilhelm) был министром Рейха по внутренним делам и, как таковой, надзорником и надлежным ведомственным министром по берлинским Олимпийским играм.

Пфундтнер Ганс как государственный секретарь министерства внутренних дел Рейха был вице-президентом Организационного комитета XI Олимпийских игр, руководителем совета по строительству и пр.

Функ Вальтер (Funk Walter) с 1937 г. был шефом по печати правительства Рейха и государственным секретарем министерства пропаганды Рейха и в этой роли - членом Организационного комитета XI Олимпийских игр. Кейтель Вильгельм (Keitel Wilhelm) - генерал-фельдмаршал, в 1935 г. шеф канцелярии вооруженных сил в военном министерстве Рейха; с 1938 г. по 1945 г. - шеф верховной команды вооруженных сил.

Крюммель Карл (Krümmel Karl) был, наряду с прочим, оберфюрером СА; директором института Берлинской высокой школы физических упражнений и Рейхс-академии физических упражнений; преподавателем в армейской школе Вюндсдорфа (Wündsorf); инспектором по спортивным школам страны у шефа образования СА. И он был членом Организационного комитета.

Вальтер фон Рейхенау (Walter von Reichenau), в 1936 г. генерал-фельдмаршал, был членом Организационного комитета и Немецкого олимпийского комитета.

В нем были и Гвидо фон Мендген (Guido von Mendgen), с 1934 г. генеральный референт лидера спорта Рейха, главный редактор нацистской спортивной газеты "НС Спорт".

Лотербахер Хартманн (Lauterbacher Hartmann), штабсфюрер Гитлерюгенда.

Далиге Курт (Daliege Kurt), генерал полиции, обергруппенфюрер СС, руководитель полицейского отдела в прусском, а позже и в Министерстве Рейха, и в Прусском министерстве внутренних дел.

Хайдрих Рейнхард (Haydrich Reinhard), обергруппенфюрер СС, в 1936 г. шеф тайной государственной полиции; до 1942 г. шеф службы безопасности СС и руководитель политической полиции; с 1941 г. по 1942 г., когда был убит при атентате, находится во главе протектората оккупированной Чехии... [Hajo Bernett, Sportpolitik im Dritten Reich, c. 123-130]

Настоящую оценку берлинских Олимпийских игр дал Гитлер, сказав, что они предложили миру "картину миролюбивой Германии" [Bernett, там же, с. 94]. Вскоре на нюрнбергском партийном конгрессе Гитлер предупреждает о создании "нового человека", который уже появляется в облике "удивительных тел миллионов арийцев". Весь немецкий спорт открыто ставится в службу милитаристической экспансии Германии. Это подтверждается и приказом от 1 сентября 1937 г. (который, по Бернетту, не мог быть принят без согласия Гитлера): "Министерство спорта Рейха имеет задание направить весь немецкий спорт к единой цели физического укрепления и осуществления военного обучения немецкого народа". Хайо Бернетт с правом делает вывод: "Снова показано, что основная черта национал-социалистической внешней политики внесена в политику спорта: сознательное введение в заблуждение мировой общественности" [Там же, с. 95].

Что касается "будущего" олимпийского движения в рамках нацистского "нового порядка", то это можно было предугадать еще в 1936 г., когда Гитлер в Нюрнберге решил учредить "Национал-социалистические боевые игры", которые будут проводиться на будущем гигантском "Немецком стадионе".

Об этом Хайо Бернетт говорит: "Временный эпизод с олимпийским мировым торжеством прошел. После того, как Гитлер военной оккупацией Рейнской области аннулировал последние обязательства версальского диктата, он в 1936 г. созвал Всепруссский партийный конгресс под девизом национальной "чести". В своей

заключительной речи он с глубоким удовольствием возвестил, что "великий военный смотр наций" включением "физических состязаний" в будущем доживет свое совершенство. Гитлер украшает картину народно-расового, национал-социалистического самопредставления: "Это новая Олимпия, даже и в современном облике и под другим именем!" [Bernett, там же, с. 73].

На отношение нацистов к берлинским Олимпийским играм, а также к будущему олимпийскому движению, указывает одна интересная деталь. А именно, после окончания берлинских Игр определенное число высокопоставленных функционеров Рейха (как и все члены МОК и Немецкого олимпийского комитета) получило по этому поводу выковую памятную медаль ("Deutsche Olympia-erinnerungsmedaille"). К их разочарованию они вскоре увидели, что переоценили ценность этого гражданского ордена. Всего несколько месяцев спустя после окончания "величественных" берлинских Олимпийских игр, лидер нацистов запрещает членам партии носить "олимпийскую почетную медаль" на партийных собраниях [Там же, с. 73].

Год спустя после этого Гитлер в Нюрнберге снова подчеркнет, что Германия в Берлине под руководством "дряхлых стариков" из МОК праздновала "последнюю международную Олимпиаду". Когда политическая ситуация 1939 г. заставляла его украсить для мира в последний раз призрачную картину международного олимпийского взаимопонимания, Гитлер в действительности размышлял о совсем другой Олимпиаде [Там же, с. 74].

В этом контексте нужно было бы понимать и визит немецкой олимпийской делегации под руководством нацистского министра спорта фон Чаммера (с Хальтом и Димом) Байе-Латтуру в оккупированном немецкой армией Брюсселе. Испрашивая у Гитлера разрешения на этот визит, фон Чаммер пишет об "абсолютно лояльном поведении" президента МОК по отношению к нацистской Германии и о должной благодарности нацистов за эту "непоколебимую" преданность. Иначе, "целью поездки является обеспечение того, чтобы при преобразении МОК и в дальнейшем руководстве учитывалась надмощная позиция, которую немецкий спорт в целом и особенно на олимпийском поле завоевал". Бернетт добавляет: "Чаммер недвусмысленно ставил к знанию, что они пойдут на заполучение ключевых позиций; а между строк можно прочесть, что лидеры немецкого спорта задумали осуществить преобразования в верхах МОК в соответствии со своими началами" [Bernett, там же, с. 49].

Байе-Латур завершит жизнь трагически. Его единственный сын будет бороться против немецких оккупаторов на стороне сил "свободной Бельгии" и погибнет в авиационной катастрофе. Вест о смерти сына тяжело потрясет "непоколебимо преданного" нацистам графа, и он умрет 6 января 1942 г. [Там же, с. 50].

Что касается немецких археологических раскопок в Олимпии, они были частью нацистской стратегии представления Рейха как законного наследника эллинской цивилизации, а особенно расовой идеологии.

Они производились не во славу античного мира (как духовной колыбели западной цивилизации), а во славу нацистского режима и арийской "сверхрасы". Обосновывая Гитлеру потребность в продолжении раскопок (которые начаты во время Бисмарка и выполнялись с 1875 г. по 1881 г. и которые служили обеспечению национального престижа Германии), лидер нацистского спорта Ганс фон Чаммер подчеркивает, что завершение раскопок под патронатом Третьего Рейха покажет миру, на сколько немцы осознают свою роль в развитии культуры. После окончания работ "многочисленные представители всех народов посетят это культурное дело Третьего Рейха", которое в них будет "вызывать изумление" и которое "на все времена будет памятником Третьему Рейху вне его границ" [Bernett, там же, с. 69].

Гитлер был воодушевлен этой идеей. В своем указе от 28.12.1935 г. Ламер (Lamer) пишет министру просвещения Русту: "Фюрер и канцлер Рейха приветствует это предложение и желает быстрой разработки идеи" [Bernett, там же]. На сколько Гитлер был лично заинтересован во всем этом, говорит и сведение о том, что он согласился не с предложением Чаммера о финансировании раскопок из приходов XI Олимпийских игр, а из фонда, который находился в его распоряжении, дал археологам искомую сумму в размере 300 000 рейхс-марок.

Днем объявления решения о возобновлении археологических работ в Олимпии Гитлер выбрал 1 август 1936 г. - день открытия берлинских Олимпийских игр. После окончания торжества зажигания олимпийского огня, которое происходило перед 28 000 самых молодых приспешников нацистского движения, Гитлер в канцелярии Рейха принял членов Международного олимпийского комитета для того, чтобы сообщить им, что он решил в знак памяти о берлинской Олимпиаде возобновить археологические раскопки в Олимпии, начатые в 1875 г., и "привести их к концу" [Bernett, там же, с. 69].

Интересно, что в книге "100 лет немецких раскопок в Олимпии", которую в 1972 г. по поводу мюнхенской Олимпиады выпустил Организационный комитет XX Олимпийских игр, нет ни слова о настоящих причинах возобновления раскопок в Олимпии после берлинских Олимпийских игр. Вместо исторических фактов автор Бертольд Фельман (Berthold Fellman) предлагает нам следующее объяснение: "Когда г. спустя после берлинских Игр археологические раскопки могли быть заново открыты, это новое начало, которое руководствовалось научными интересами, имело сильное поощрение возрожденной современной олимпийской идее и со стороны барона Пьера де Кубертена" [Berthold Fellman, "Die Geschichte der deutschen Ausgrabung", в: "100 Jahre deutsche Ausgrabung in Olympia", Prestel-Verlag, Мюнхен, 1972 г., с. 45].

Что касается послевоенных раскопок в Олимпии, Фельман использует их для возвеличивания Карла Дима: "За возобновление раскопок спустя семь лет после завершения войны нужно быть благодарными поддержке проф. д-ра Карла Дима - многолетнего руководителя Интернационального олимпийского института в Берлине, который продолжительное время с живым интересом наблюдал за открытием родных мест Олимпийских игр и который позже решающим образом внес вклад в их научное исследование" [Там же, с. 45].

Как мы увидели, Интернациональный олимпийский институт был основан (в Берлине) по предложению Кубертена после проведения берлинских Олимпийских игр и "работал" до 1944 г.. С самого начала он находился под патронатом нацистов. Его президентом был не кто иной, а нацистский министр спорта Ганс фон Чаммер унд Остен.

Дим в 1938 г. утверждает, что "задача института - стать в известной мере ареной духа, в которой будут сцепляться по поводу дальнейшего современного развития олимпийской идеи" [Carl Diem, "Das Erbe Coubertin", в: Carl Diem, Olympische Flamme, с. 258]. Это практически означало, что основной задачей Института являлось полное приспособление олимпийской идеи требованиям нацистской идеологии и создание из нее средства обеспечения доминанции арийской расы над "низшими" расами.

В своей статье из 1941 г., посвященной будущему Олимпийских игр, Дим напишет: "Нужно ли, чтобы будущие Олимпийские игры стали мировыми играми, или нужно, чтобы они ограничили на ту часть мира, в которой возникли и чьему образу жизни принадлежат? Более, чем когда-либо раньше, я убежден, что они должны остаться мировыми играми, так как смысл этой войны - создать новый порядок (Neuordnung), под которым все народы мира будут счастливы... (...) Среди тех, кто сопротивляется тому, чтобы игры имели мировое значение, имеется много таких, которые сознательно или несознательно верят, что не нужно принимать физическую борьбу своей расы с примитивными расами. Я все-таки думаю, что господствующая позиция надмощной расы только тогда долго продлится, когда опирается и на физическое здоровье, и на силу, и поэтому в Играх для Европы вижу как раз то, что Кубертен в них видел для Франции: постоянно повторять экзамен в жесточайшем огне, а тернистый вызов - это то, что необходимо предложить и самым лучшим среди других народов. Мы хотим мировых игр, так как хотим показать миру - что мы можем!" [Carl Diem, "Weltspiele?", там же, с. 244, 245].

Правду говоря, необходимо сказать и то, что имеются авторы, которые уходят в другую крайность. Так, например, Ив-Пьер Булонь, в стараниях снять с Кубертена ответственность за его сотрудничество с нацистами, обвиняет "нацистского волка" Карла Дима, который "умел вести себя как ягненок, когда речь шла о том, чтобы смутить дух гордых людей", в том, что он практически обманом вынудил Кубертена примкнуть к нацистам. Дим, по Булону, "обработывал Кубертена с исключительным упорством", используя при этом не только старость и

слабости Кубертена, но и его недовольство тем, что он не был понят другими, а особенно Францией [Yves-Pierre Bouloungne, "Pierre de Coubertin, Ein Beitrag zu einer wissenschaftlichen Untersuchung seines Lebens und seines Werkes", в: Die Zukunft der Olympischen Spiele, Hrsg. Hans-Jürgen Schulke, Pahl-Rugenstein, Köln, 1976 г., с. 94].

Что касается настояния Дима захватить себе право быть "завещательным и моральным исполнителем", Булонь считает, что речь идет о "нечестнейшей манипуляции", которая должна быть "решительно разоблачена" [Там же, с. 94].

Проблема могла бы быть поставлена и следующим образом: почему Кубертен в роковые по мир и Европу моменты передал олимпийское копье Германии, в которой у власти стояли фашисты, а не Франции, в которой у власти был Народный фронт Леона Блюмма, в котором крупнейшее влияние имели социалисты и коммунисты? Нападая Дима, Булонь забывает сказать, что Кубертен и на этот раз остался последователем идеологии, за которую боролся всю жизнь.

Кубертен, прежде всего и сверх всего, был антисоциалистом и антикоммунистом: это было кредо его жизни и олимпийское кредо. В этом контексте необходимо рассматривать его (а также и Брендида) "либерализм".

Поражение фашистских сил не привело к существенным преобразованиям в МОК. Так, немец Карл фон Хальт (Karl Ritter von Halt) вошел в МОК в 1929 г.. Членом Национал-социалистической партии стал прежде, чем Гитлер пришел к власти. В нацистской солдатске дотянулся до группенфюрера СА (S.A. Gruppenführer). В качестве президента Легкоатлетического союза нацистской Германии был в течение последних лет войны спортивным руководителем, ответственным за предвойсковое обучение детей. Осужден как военный преступник. Используя свои связи и влияние, Эвери Брендида спасает своего "старого приятеля" от тюрьмы. Хальт становится почетным президентом нового Легкоатлетического союза Германии и президентом (1951 г.) Национального олимпийского комитета. По упорному настоянию Брендида Хальт не только остается членом МОК, но в 1957 г. становится даже членом исполнительного комитета МОК. [Krüger, там же, с. 221; Guttman, там же, с. 101, 267].

Похожая судьба у французского маркиза Мельхиора де Полиньяка (Marquis Melchior de Polignac). В МОК он принят в 1914 г.. Как приспешника нацистов французские власти будут держать его в тюрьме в оккупированной Германии в течение шести месяцев. После войны и далее он остается в МОК, и то как член Исполнительного комитета. [Guttman, там же, с. 101, 265].

По упорному настоянию Зигфрида Эдстрема - первого послевоенного президента МОК (а также его наследника Брендида) в МОК останется и итальянский фашист граф Паоло Таон ди Ревель (Count Paolo Thaon di Revel). Он становится членом МОК в 1932 г., а в члены Исполнительного комитета МОК будет выбран в 1954 г.. Подобным образом в МОК останется и другой приспешник Муссолини - итальянский граф Альберто Бонакоссас (Count Alberto Bonacossa), который вошел в МОК в 1925 г., а в 1952 г. стал членом Исполнительного комитета МОК. [Там же, с. 101, 267].

О настоящей сущности послевоенного МОК говорит и случай с итальянским фашистом генералом Гиоргио Ваккаро (Giorgio Vaccaro). Даже требование Итальянского олимпийского комитета удалить Ваккаро из МОК во избежание компрометирования послевоенной Италии не дало никаких результатов. Это было, в действительности, поражением тех, кто настоятельно боролся за право стран-членов МОК, а также международной общественности влиять на выбор членов МОК и на его политику. [Там же, с. 102, 268]

В МОК после Второй мировой войны останется и герцог Адольф Фридрих Мекленбург-Шверин (Herzog Adolf

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Friedrich Mecklenburg-Schwerin) - председатель Клуба иностранных журналистов во время правления нацистов, который был близким соратником Геббельса. Он будет выбран первым послевоенным президентом Национального олимпийского комитета (западной) Германии. Затем шведский граф Кларенс фон Росен (Count Clarence von Rosen) - член МОК с 1900 г., который после ознакомления мира с ужасными преступлениями в концентрационных лагерях Третьего Рейха писал своему приятелю Брендиджу о том, что евреи являются ответственными за все зло на свете и что коммунизм - "политическая форма иудаизма" [Guttman, там же, с. 92, 264].

Что касается Эвери Брендиджа, который в 1952 г. и официально становится первым человеком МОК (и в последующие 20 лет), необходимо сказать, что он давал открытую поддержку нацистскому режиму в Германии и прежде, чем вошел в МОК. В действительности, без преувеличения можно сказать, что ему пронацистская политика была визой для входа в МОК. Он был тем, кому наперекор сопротивлению большей части американской общественности удалось привезти американскую команду на нацистскую Олимпиаду в Берлин, за что ему нацисты, а также МОК были особо благодарны.

Решение об участии американской олимпийской команды на Олимпиаде в Берлине должно было быть принято на годовом совещании Любительской Атлетической Унии (Amateur Athletic Union) в декабре 1935 г.. Эвери Брендидж - президент Национального олимпийского комитета предводил делегатов, которые были "за", а Джереми Махони - президент ААУ предводил делегатов, которые были "против" участия. Когда Брендидж увидел, что его переголосуют, он применил трюк и в соответствии с правилами отложил вынесение решения на сутки. В течение ночи он по телеграфу контактировал с приверженными ему делегатами, имеющими право голоса, из организаций, которые до тогда никогда не имели своих представителей. На следующий день с результатом 58:56 голосов решено о выезде в Берлин. Решающими были голоса приятелей Брендиджа: один был позже арестован как немецкий шпион (представитель "German Athletic Union"); второй был американским антисемитом (American Turnerbund), а третий - представителем профессионального общества велосипедистов. [Krüger, там же, с. 71].

Была это, по словам Гутманна, одна из самых "жесточенных битв" в карьере Брендиджа, которую он никогда не забудет. Десятилетиями после этого он все еще указывал на "беспринципность борьбы по предупреждению участия США в Олимпиаде" и на "большую победу олимпийских принципов". Также десятилетиями после этого он все еще считался "нескрываемым обожателем Гитлера". [Guttman, там же, с. 74].

"Во время жесточайшей борьбы по поводу бойкота, - продолжает Гутманн, - многим казалось, что он зашел намного дальше честной обороны немецкой культуры и стал бессрамным защитником нацистов". В хорошо известной речи, которую он произнес в Медисон-сквер-гардене (Madison Square Garden) 4 октября 1936 г., он высказал признание национал-социалистам за их противопоставление коммунизму.

Обращаясь к немецко-американскому союзу, он говорит неумеренно и безрассудно: "Мы можем многому научиться у Германии. И мы, если пожелаем сохранить наши институты, должны задушить коммунизм. И мы должны предпринять шаги, чтобы остановить ослабление патриотизма". После его речи в печати появляются названия, подобные: "Будьте, как нацисты", "Америка должна следовать примеру нацистов - Брендидж" [Guttman, там же, с. 90]. Одновременно Брендидж становится "самым жестким" поборником фашистской Японии в МОК. Для него, как и для МОК, японская агрессия на соседей, а также вопросы войны и мира, не были ничем иным, как "организационными вопросами" [Guttman, там же, с. 85].

После Второй мировой войны, в настоящих сделать политическую карьеру, Брендидж находился плечом к плечу с Джоозефом Маккарти (Joseph McCarthy) - известным "ловцом на ведьм" в одном из самых позорных периодов американской истории.

В то время он "начинает собирать материал, который объявляют радикальные правые". [Guttman, там же, с. 96]. На его политическую деятельность указывает и письмо Карла Дима, которое он направил своей жене Лизелот (Liselott) 31 июля 1948 г.: "Брендидж посетил меня вчера в депрессивном настроении. Был членом линдберговой (Lindbergh) партии, которая считается фашистской. Поэтому у него много неприятелей, а эти жалкие творения всюду присутствуют. Против Германии все еще идет компании ненависти, против которой никто не предпринимает энергичных действий" [Guttman, там же, с. 109].

В те годы "олимпийский миротворец" Брендидж нападает на американское правительство за то, что оно прекращает войну в Корее, так как это представляет "страшную потерю чести для всей белой расы во всей Азии" [Guttman, там же, с. 96]. Свою олимпийскую карьеру Брендидж закончит как пламенный защитник расистского режима на юге Африки. В своей известной речи на мюнхенской Олимпиаде он жалеет по поводу "потерянной битвы за Родезию" [Guttman, там же, с. 254].

Когда речь идет о "моральной чистоте" Брендиджа, на которой он, как первый человек МОК, столько настаивал, иллюстрирующими являются примеры, которые приводит проф. Гутман. На Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 г. за американскую команду будет выступать и Эвери Брендидж. Его самым большим (американским) противником был индianец Джим Торп (Jim Thorpe). Торп был лучше Брендиджа в пятиборье (Торп занял первое, а Брендидж - шестое место) и полностью деклассировал его в десятиборье. Не умея по-спортивному принять поражение, Брендидж покидает соревнования до начала последней дисциплины - бега на 1 500 метров, в которой у него не было шансов на победу [Guttman, там же, с. 27]. После триумфа в Стокгольме у Торпа будут отобраны медали потому, что, как-будто бы, он играл в бейсбол в одной полупрофессиональной команде, за что получал деньги. Имеется оправданное подозрение в том, что из-за этой интриги стоит Брендидж, который до конца жизни не смог забыть своего поражения. По настоянию Американского олимпийского комитета МОК вернет Торпу медали только в 1982 г., когда этого уже Брендидж не может предотвратить. Если к этому добавить то, что Брендидж, который на публике играл роль борца за "традиционные ценности американского общества", отказался признать отцовство над своими внебрачными сыновьями, боясь, что это может испортить впечатление о нем в обществе и сделать невозможным его выбор на место президента МОК, становится яснее, о каком олимпийском "чистоте" идет речь. [Там же, с. 49; Об этом и: William Oscar Johnson: "Avery Brundage: The Man Behind the Mask", Sports Illustrated, Август 4, 1980 г. Особо с. 56].

Вообще "пацифистская" активность МОК сводилась, между прочим, к сокрытию настоящего существа тоталитарных режимов и к поддержке этих режимов. Так как не только учредитель и "духовный отец" современных Олимпийских игр Пьер де Кубертен доверил олимпийское движение нацистской "сверхрасе", которая свое будущее строила на истреблении и покорении огнем и мечом "низших рас". Но и его наследники в разгар Второй мировой войны ковали планы о размещении Олимпийских игр навсегда в границах нацистского "нового порядка". Поэтому у человека просто пойдут мурашки по коже, когда он вспомнит слова Брендиджа, произнесенные им на мюнхенском олимпийском стадионе после убийства еврейских спортсменов палестинскими командос: "The Games must go on!" ("Игры должны продолжаться!")

Становится жутко при мысли о том, что эти люди - лидеры олимпийского движения - строили с нацистами планы о проведении Олимпийских игр "во славу мира и сотрудничества между народами всего мира!" на нацистских "любных местах". И эти же люди и сегодня прославляются как "великие гуманисты" и "пацифисты"!

Кубертен видел в гитлеровском фашистском режиме олицетворение идеалов, за которые он боролся всю жизнь. Схожесть фашистского взгляда на жизнь и "патристической философии" Кубертена очевидна. Читая Гитлера и Кубертена, иногда создается впечатление, что речь идет о "друзьях по партии", которые списывали друг у друга. Поэтому слишком далеко от истины то, что Кубертен был "соблазнен" фашистской идеологией. Прежде можно было бы сказать, что Кубертен был одним из предшественников фашистской милитаристско-расовой идеологии.

Кубертен свою благосклонность к авторитарному режиму (свое недовольство неэффективностью капиталистических правящих систем, прежде всего, в их расправах с рабочим классом) недвусмысленно выразил

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

еще в 1929 г. в разгар большого экономического кризиса: “Во-первых, было необходимо возродить Международный олимпийский комитет с его основными правилами, которые должны были бы быть признаны всеми нациями. Это не так легко, так как его устав был в выраженном противоречии с идеями того времени. Он *отбросил делегатский принцип*, который так дорог нашим парламентским демократиям, - принцип, который после того, как сделал большую услугу, *кажется, с каждым днем становится все менее продуктивным*” (выделил Л.С.) [Pierre de Coubertin, “Olimpia”, в: Pierre de Coubertin, The Olympic Idea, с. 117].

Точно также нельзя упускать из вида то, что **Кубертен, хотя и является “великим французским патриотом” (что во время бурного расцвета реваншизма в Германии не было беззначительно) был охотно принимаемым (и охотно печатающимся) гостем в фашистской Германии.** В конце своего предисловия к “Олимпийским воспоминаниям” Кубертена, опубликованным в 1938 г. в Берлине, президент Организационного комитета XI Олимпийских игр Теодор Левальд (Theodor Lewald) говорит о Кубертене: “Он с глубоким пониманием и радостным воодушевлением понял и приветствовал развитие новой Германии под руководством ее великого Фюрера” [Baron Pierre de Coubertin, Olympische Erinnerungen, Wilhelm Limper-Verlag, Berlin, 1938 г., Vorwort, с. 6].

То, что речь идет не о куртуазном преувеличении, свидетельствует и преподавание Кубертена, посвященное берлинской Олимпиаде, которое зачитано по немецкому радио 4 августа 1935 г.: “Когда меня как учредителя и почетного президента Олимпийских игр пригласили провести первое радио-преподавание о их значении, я с удовольствием воспринял эту честь. Думаю, что на этот вопрос самым лучшим образом отвечу так, что изложу свои первобытные размышления и философские основы, на которых я попытался построить свое дело. С величайшим интересованием наблюдаю в этом четвертом г. X Олимпийских игр современной эпохи за подготовкой к XI Олимпийским играм. Она основывается на необыкновенном плане и проводится с полностью четкой концепцией о целостности и с не меньшей заботой о деталях.

У меня такое впечатление, что вся Германия - начиная с ее вождя и вплоть до скромнейшего ее ученика, пламенно желает, чтобы торжество 1936 г. было одним из прекраснейших, которые мир до сего дня видел, хотя Лондон, Стокгольм, Амстердам и Лос-Анджелес ... в этом смысле уже осуществили настоящее чудо. Через год рождественский колокол (рождественский колокольчик в когтях орла был символом берлинской Олимпиады - прим. автора) объявит предстоящий вход атлетов, приехавших со всех сторон света, на берлинский стадион. Хотелось бы уже сегодня поблагодарить немецкое правительство и народ за усилия, вложенные в честь II Олимпиады “

[Pierre de Coubertin, “The philosophic Fondation of modern Olympism”, в: Pierre de Coubertin, The Olympic Idea, с. 130, 131]. Свою поддержку фашистскому режиму четче всего Кубертен выразил в транслированной речи на закрытии берлинской Олимпиады (которую иначе сам опубликует позже).

Вот что говорит Пьер де Кубертен: “Берегите святое пламя! XI Олимпийские игры будут вскоре только воспоминанием, но каким сильным и богатым воспоминанием! Прежде всего воспоминанием о красоте.

С этого момента ровно 30 лет назад, когда я созвал в Париже конференцию об искусстве, литературе и спорте с целью восстановления постоянной связи между возрожденным олимпизмом и духовным созиданием, мудрые усилия помогли в реализации этого идеала от Стокгольма до Лос-Анджелеса. Сегодня его Берлин навсегда освящает смелыми новшествами, коронованными с полным успехом, такими как эстафетная передача святого факела из Олимпии и величественное торжество на монументальном стадионе в первый вечер Игр, идейный создатель которых - мой гениальный приятель и энтузиаст Карл Дим.

Воспоминанием о храбрости, так как храбрость была необходима для преодоления трудностей, с которыми Фюрер встретился с момента, когда выставил требование: “Wir wollen bauen” (“Хотим строить” - прим. автора), чтобы противостоять нелояльным и подлым нападениям со всех сторон, которые стараются остановить прогрессивное созидательное дело (речь идет о бойкоте берлинской Олимпиады - прим. автора).

Наконец, воспоминанием о надеждах, так как под покровительством символического знамени с пятью кольцами, мускулами выковысвалось взаимопонимание, которое сильнее, чем сама смерть... “Freude, Tochter aus ...” (начальные слова “Оды радости” Шиллера, которая была частью культурной программы на открытии берлинской Олимпиады - прим. автора). Исторические колебания и борьба будут продолжены, но немного-понекому наука заменит опасное незнание; взаимопонимание смягчит слепую ненависть. Таким образом здание, которое я полвека строил, будет укреплено. А вы, атлеты, не забывайте пламя, которое зажгло солнце и которое пришло к вам из Олимпии для того, чтобы осветить и согреть нашу эпоху. Берегите его ревностно в глубине ваших существ, чтобы оно могло опять появиться на другой стороне света, когда через четыре г. будете праздновать XII Олимпиаду на далеких берегах великого Пасифика!”. (Речь идет о фашистской Японии, еще одно “полное попадание в цель” МОК!) [Pierre de Coubertin, “Speech by baron de Coubertin at the close of the Berlin Olympic Games”, там же, с. 135, 136].

У Кубертена была особая причина быть воодушевленным берлинскими Олимпийскими играми. Организаторы игр заказали отливку огромного колокола, на котором, как уже сказано, находился орел с распростертыми крыльями (с не очень приятным взглядом), который в когтях держит олимпийские кольца, под которыми по ободу колокола металлическими буквами написано обращение: “Ich rufe die Jugend der Welt!” (“Я созываю молодежь всего мира!”). Олимпийский стадион в Берлине становится таким образом чем-то похожим на современную церковь, в которой будет проведен один из самых театрализованных религиозных обрядов нового времени - нацистские Олимпийские игры. Они были олицетворением идей, за которые всю жизнь боролся Кубертен.

Что касается “культурной программы” берлинской Олимпиады, Кубертен, как мы это видели, выразил исключительное признание своему приятелю Карлу Диму, и то особенно за организацию “величественного торжества” открытия Олимпийских игр. В чем в действительности состояла “культурная” часть этого “величественного торжества”?

Вот что об этом говорит Мандел: “Самый известный живой немецкий музыкант Рихард Штраус (Richard Strauss), одетый в белое, энергично руководит большим оркестром и хором, состоящим из трех тысяч голосов, при исполнении “Deutschland, über Alles” и “Horst Wessel Lied”, а потом исполняет новый “олимпийский гимн”, который старый композитор, культурный герой обеих - вильгельмовской и веймарской - Германий, написал специально по этому поводу”... [The Nazi Olympics, с. 147]

А вот как звучат слова популярнейшей нацистской мелодии того времени “Horst Wessel Lied”, которая включалась в ударную часть “культурной программы” Игр: “Wenn das Judenblut vom Messer spritzt, dann geht's nochmal so gut” (“Когда еврейская кровь брызжет из-под ножа, тогда все идет намного лучше”) [Morse Arthur, While 6 Million Died, Secker/Warburg, London, 1968 г., с. 105].

Это был истинный олимпийский наказ, который гитлеровский режим послал миру. Этот наказ Кубертен задолго до Гитлера послал парижским коммунарам, народам третьего мира, революционному пролетариату ...

Карл Дим до конца своих дней гордился “своей” Олимпиадой, постоянно подчеркивая ее “культурную программу”. В этой “культурной программе”, к сожалению,

находилась и “Девятая соната” Бетховена, которая внесена в нее по требованию Кубертена и которая использована как маскировка этому фашистскому фестивалю смерти. По такому же принципу концентрационные лагеря Третьего Рейха можно было бы провозгласить “воспитательными учреждениями”, так как представители “низшей расы” встречались здесь музыкой, а на воротах лагерей было написано: “Arbeit macht Frei!” (“Труд освобождает!”).

Насколько Кубертен был восторженным сторонником фашистского режима в Германии, говорит и его намерение передать Третьему Рейху все свое писательское наследие, что было связано и с его желанием об основании фашистской Германией Международного олимпийского института - центра развития международного олимпийского движения.

Будущее олимпийское движение Кубертен недвусмысленно доверяет Гитлеру и его “сверхрасе”. Вот что об этом говорит его более чем преданный приспешник Карл Дим: “Таким образом 16 марта 1937 г. он (Кубертен - прим. автора) направляет немецкому правительству предложение с экскурсом на спортивно-историческую выставку, состоявшуюся во время проведения Олимпийских игр в 1936 г. в пригороде Берлина, об основании этим правительством Международного олимпийского института - Centre d'Etudes Olympiques, которому бы он завещал свои “papiers, documents” («бумаги, документы») и незавершенные планы, (все) что касается целостности заново пробужденного олимпизма” [Carl Diem, из: Olympische Akademie, Dortmund, 1962 г., с. 17-20, в: Carl Diem, Der Olympischen Gedanke, Rede und Aufstätze, Carl-Diem-Institut, Köln, 1967 г., с. 127, Weltgeschichte des Sports, 1145s.].

Одним из поводов этой инициативы Кубертена было решение Гитлера навсегда переселить Олимпийские игры в Германию. После завершения берлинской Олимпиады Гитлер дал распоряжение своему архитектору Альберту Спире (Albert Speer) составить планы на строительство нового олимпийского стадиона, в котором сможет разместиться свыше 400 000 человек и который должен был бы быть завершен до 1945 г.. “Не важно, - прибудет ли Гитлер, - в 1940 г. Олимпийские игры будут организованы в Токио. Но после этого они будут всегда проводиться в Германии - на этом стадионе. А тогда мы будем определять размеры атлетического поля” [Speer Albert, Inside the Third Reich, Macmillan Pub. C. New York, 1970, с. 70].

Это одновременно и часть ответа на вопрос - как это возможно, чтобы “великий французский патриот” Кубертен - “гордый сын французского народа”, который свои юношеские сочинения заканчивал словами “Vive la France!”, мог завещать свои произведения фашистской Германии - историческому неприятелю “номер один” Франции. В Гитлере и его фашистском режиме Кубертен видел возможность полного претворения в жизнь своей философии; Гитлер, его концепция “Wir wollen bauen” (“Хотим строить”), практика фашистского режима были для Кубертена величайшей гарантией того, что его дело и его идеи будут жить в будущем.

Что касается знаменитого вопроса: “Знал ли он о фашистских злодеяниях?” - нужно сказать, **что Кубертен, живя в Швейцарии, имел возможность вблизи познакомиться с преступлениями фашистов**. Кроме того, фашисты с момента прихода к власти начали открывать концентрационные лагеря, и то без какой-либо “таинственности”. Вот что об этом говорит Артур Морс (Artur Morse) в своей книге “Пока шесть миллионов умирали”, которую иначе посвятил и памяти крагуевских учеников, которые в 1941 г. расстреляны фашистскими палачами (подзаголовок которой - “Неизвестные и потрясающие сообщения о выраженной апатии и сознательной обструкции, проводимой США и Британией, в ходе настояния спасти евреев от гитлеровского “крайнего решения” [Morse Artur, While 6 Million Died, titul. list]: “Концентрационный лагерь в нацистской Германии существовал еще в 1933 г., и это не было тайной для мира. Как мы это видели, существование Дахау обнародовано в самом начале гитлеровского режима (...). В августе 1933 г. “Neuer Vorwärts” - газета, которую выпускали эмигрировавшие немецкие социалисты, оценила, что было восемьдесят тысяч заключенных в шестидесяти пяти лагерях.” [Morse Artur, там же, с. 156, 157]. “С приближением конца 1933 г., - говорит далее Морс, - умножилось число сообщений об убийствах и мучениях. Лорд Марлей - заместитель председателя Дома

лордов (Deputy Speaker of the House of Lords) оценил, что в течение (того) г. в Германии произошло две тысячи убийств” [Morse Artur, там же, с. 160].

Имеются и другие детали гитлеровской “созидательной” концепции, которую Кубертен поддержит, открыто нападая на противников гитлеровского режима. Свирепая ликвидация сторонниками отрядов СА 30 июня 1934 г. (“Ночь длинных ножей”), преследование евреев, которое кульминирует 15 сентября 1935 г. принятием нюрнбергских расовых законов, по которым у евреев отнимается подданство, т.е. гражданские права (что Гитлер отстаивал еще в своей первой программе нацистской партии из февраля 1920 г.); преследования, аресты и ликвидация рабочих и оппозиционных лидеров; 16 марта 1935 г. Гитлер провозглашает начало восстановительного строительства немецкой военной машинерии; 7 марта 1936 г., всего несколько дней спустя по окончании зимних Олимпийских игр в Гармиш-Партенкирхене, в Германии гитлеровские трупы занимают демилитаризованную Рейнскую область, открыто нарушая международные договоры и идя наперекор (Кубертеновой “любимой”) Франции. Одновременно фашисты систематически уничтожают все те культурные ценности, которые не вписываются в их идеологию. В огромных кострах исчезнут произведения, представляющие культурное наследие человечества.

Между тем, необходимо сказать, что не только Кубертен из олимпийских (и других) господ был воодушевлен фашизмом. После Октябрьской революции, развития революционного движения в Европе, большого экономического кризиса 1929 г., который разрушил миф об обществе “свободной конкуренции” и показал - что рабочие как рабы капитала могут ожидать от своих “работодателей”, когда “телега пойдет под откос”, Гитлер появился как “спаситель цивилизации” от “коммунистической чумы”!

Правящие круги Запада (особенно США и Великой Британии) были воодушевлены “решительностью” (читай - брутальностью) Гитлера в расправах с коммунистами. Стараясь оправдать террор, заведенный фашистами в Германии, американский генеральный консул в Гамбурге Кел (Kehl) в своем письме Стейт Департаменту от 31 марта 1933 пишет и это: “Необходимо признать, что национал-социалистическая организация, прежде чем пришла к власти, а с тех пор национал-социалистическое правительство сделали неоценимую услугу всему миру, разрушая коммунизм в Германии, что может иметь весьма полезный эффект в других странах, когда речь идет об уничтожении коммунистической чумы.” [Morse Artur, там же, с. 112]. Морс добавляет: “И хотя генеральный консул Кел был одинок в среде окружающих его людей в своем понимании, его уверения были широко приняты в Стейт Департаменте.” [Там же, с. 112].

Что касается генерала Шерилла (Sherill) - американского делегата в МОК и его отношения к фашизму, то Морс пишет: “Отзываясь об общем возмущении против фашизма, он (Шерилл - прим. автора) похвалил Муссолини как “человека, которого долго знаю и уважаю, галантного отца, который двух своих сыновей послал в гущу борьбы...” (здесь Шерилл, судя по всему, имеет в виду “славный поход” Муссолини в Эфиопию - прим. автора). “Генерал сумрачно добавил, что ему бы хотелось, чтобы Муссолини была предоставлена возможность приехать в США и расскаться с коммунистами, как он это сделал в Италии.” [Там же, с.182].

Наряду с Шериллом, еще один “олимпийский” господин будет послан из Америки в Европу, чтобы на месте убедиться в том, достойна ли нацистская Германия быть организатором Олимпийских игр. Это был Эвери Брендидж - тогдашний президент Американского

олимпийского комитета и будущий президент МОК, великий обожатель Кубертена, который иначе прославился своими антикоммунистическими и расистскими выступлениями.

Вот как он оправдал нацистское “правительство страха” и практически дал “зеленый свет” американской олимпийской команде на принятие участия в берлинской Олимпиаде: “Независимо от того, в какой стране проводятся Олимпийские игры, всегда будет какая-либо группа, религия или раса, которая может выразить протест против (определенной) акции правительства той страны, в прошлом или настоящем.” [Morse Artur, там же, с.179] Исходя из этого, Брендидж направляет следующее обращение евреям и всем, кто призывал к бойкоту нацистской Олимпиады: “Некоторые из евреев должны сейчас понять, что они не могут употребить эти Игры как оружие в их бойкоте нацистов.”

[Peter Hain, “The politics of sport and apatheid” в: Sport, Culture and Ideology, в: Jennifer Hargreaves, с.233].

Что касается инцидента, связанного с мнимым отказом Гитлера поздравить Джесси Оуенса (Jesse Owens) с его первой победой в Берлине, есть версия, по которой это произошло не вследствие отношения Гитлера к неграм, а вследствие протокольных проблем. Граф Байе-Латур - тогдашний президент МОК потребовал от Гитлера прекратить пожатие рук спортсменам после их побед, так как он не был официальным лицом, а просто гостем.

Это случилось до триумфа Джесси Оуенса, поэтому и поздравление Гитлера не состоялось.

По словам Балдура фон Шираха (Baldur von Schirach) - одного из близких соратников фюрера - Гитлер сказал: “Американцы должны стыдиться самих себя потому, что допустили, что их медали завоевывают негры. Я никогда не пожал бы руку никому из них.” [Richard D. Mandell, The Nazi Olympics, с.236]. Когда Ширах предложил Гитлеру сфотографироваться с Джесси Оуенсом - его “соперником в популярности” на Олимпийских играх в Берлине для создания благоприятного впечатления о дружеской атмосфере на Играх в глазах мировой общественности, Гитлер “взорвался и прокричал, что эта идея - самое грубое оскорбление” [Там же].

Это близко версии, которую главный архитектор Гитлера Альберт Спир высказал в своей книге “Внутри Третьего Рейха”: “Несколько месяцев спустя после очевидной ремилитаризации Рейнской области Гитлер ликовал по поводу гармоничной атмосферы, которая господствовала в течение проведения Олимпийских игр.

Он думал, что международная враждебность к национал-социалистической Германии, без сомнения, - прошлость. Приказал, чтобы все было сделано для создания у многочисленных важных иностранных гостей впечатления о миролюбивой Германии.

Он сам наблюдал за атлетическими борьбами с большим возбуждением. Каждая немецкая победа, а их было неожиданно много, делала его счастливым, но он был взбешен серией побед чудесного (здесь Спир, который до последнего дня был самым верным слугой Гитлера, старается и после всего показать, что он был другим - прим. автора) черного американского бегуна Джесси Оуенса.

“Люди, предки которых вышли из джунглей, примитивны, - сказал Гитлер, пожимая плечами; - их тела сильнее, чем тела цивилизованных белых. Они представляют нечестное состязание и потому должны быть исключены из будущих игр”.

[Speer Albert, Inside the Third Reich, с.72, 73].

Нет причин не принять определенные факты, если доказано, что они точные. Между тем, эта и другие детали (Байе-Латур требовал от Гитлера, чтобы с дороги, ведущий в аэропорт, были убраны надписи с антиеврейскими призывами; также он потребовал от немецких властей до начала проведения Олимпийских игр письменную гарантию того, что Германия будет соблюдать Олимпийскую хартию, что значит, что разрешит и еврейским участникам соревнований быть членами немецкой команды) показывают, что МОК, прежде всего, был заинтересован в том, чтобы иметь формальную маскировку для проведения Олимпийских игр в Берлине для того, чтобы доказать, что “олимпийское движение” (как и берлинская Олимпиада) “не имеет ничего общего с политикой”.

Что печальнее всего, **формальное выполнение формальных условий, которые МОК выставил фашистскому режиму, будет употреблено МОК как коронное доказательство того, что в фашистской Германии “все в порядке”,** что нет преследования людей из-за их религиозных и политических убеждений. Инсистирование на формальных условиях МОК использовал для предоставления фактической поддержки нацистскому режиму и приобретения для него международного признания.

Этим все не заканчивается, хотя бы, когда речь идет о нацистской Германии и Олимпийских играх.

Когда фашистская Япония отказалась принять у себя Олимпийские игры, которые должны были проводиться в 1940 г. в Токио (для развязывания рук в своем варварском походе против китайского народа и в подготовке к началу войны на Дальнем Востоке), МОК панически старался найти страну, которая в годы, когда война “была на носу”, захотела бы взять на себя обязательство и организовать Олимпийские игры.

После неуспешного поиска “жертвы” МОК обратился Германии и попросил Гитлера об организации Зимней Олимпиады снова в Гармиш-Партенкирхене. Это было, как и в 1936 г., возможностью для Гитлера показать миру, что фашистский режим, прежде всего, тяготеет “к миру и сотрудничеству между народами всего мира”.

Кроме того, это вписывалось и в планы Гитлера навсегда переселить Олимпийские игры в Германию. Гитлер принял предложение. Вскоре по тем же причинам, что и Япония, Германия отказалась от организации зимних Олимпийских игр. От имени фашистского режима и на этот раз говорил Карл Дим.

Олимпийские игры в Берлине, кроме прочего, были прикидкой сил фашистских государств (Германия, Япония, Италия) и либерально-демократических систем (Америка, Англия и Франция). В итоге триумфаторами стали фашистские режимы: Германия в первый раз была лучше, чем США; Япония была успешнее, чем Англия, а Италия завоевала больше медалей, чем Франция. Для фашистских фанатиков это было еще одним знаменованием того, что “провидение” на их стороне. Война могла начинаться... ▲